

ОСОБЕННОСТИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ НАРОДОВ ХАКАСИИ

Н.Л. Кольчикова, Л.И. Чебодаева

Статья посвящена анализу языкового сознания учащихся-хакасов. Считается, что мельчайшими архетипами национального сознания являются типы образных ассоциаций – механизмы самых интимных, подсознательных образных реакций. Они несут в себе доведенную до рефлекса родовую память этноса и порождены условиями жизни – природой, бытом, трудом, нравами и ценностными представлениями, которые сложились за многие века. Теоретической основой исследования является представление о структуре билингвальной языковой личности, описанной Ю.И. Карауловым. Изучение второго языка становится основой формирования речемыслительной деятельности учащегося: отделению слова от мысли, способности осознавать слово, речь и мышление. Двуязычие предполагает диалог двух кодовых систем, диалог мировоззрений, что позволит сформировать адекватную этническую картину мира. Билингвальное образование предполагает полное функциональное владение учащимися двумя языками, и одновременно обучение идентифицированию себя с родной этнокультурой. Сохранение и развитие языков этнических меньшинств России возможно только в системе целостного двуязычного образования с созданием организационных условий для его реализации

Мы проанализировали ассоциативный фонд этнокультурной лексики родного и русского языков у учащихся-хакасов с целью выявления различий национальных ассоциаций. Такой эксперимент позволяет выявить меру приобщения учащихся-билингвов к обеим культурам- родной и русской, сделать некоторые значимые выводы. Сопоставляя ассоциативные структуры эквивалентных слов-стимулов, можно увидеть сходство и различие ассоциаций, возникающих у носителей хакасского языка - билингвов,

отметить специфические особенности структур ассоциативных полей хакасских и русских слов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ассоциация, билингвизм, этнокультура, языковая личность, языковая картина мира

КОЛЬЧИКОВА Наталья Лаврентьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры литературы Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова. pollik21@mail.ru

ЧЕБОДАЕВА Лариса Ильинична – кандидат филологических наук, доцент кафедры хакасской филологии Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова. pollik21@mail.ru

Цитирование: Кольчикова Н.Л., Чебодаева Л.И. Особенности происхождения и становлении языкового сознания народов Хакасии // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 4. С. 88–103. Режим доступа: www.tverlingua.ru

THE PECULIARITIES OF THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE LANGUAGE CONSCIENCE OF THE KHAKASS PEOPLE

Natalya L. Kolchikova, Larisa I. Chebodaeva

The article deals with the analysis of the bilingual learners' language conscience. It is believed that the tiniest archetypes of the national conscience are the types of imaginary associations – the mechanisms of the most intimate, subconscious imaginary reactions. They contain the generic memory of the ethnos driven to reflex and are generated by the conditions of life - nature, everyday life, work, morals and value conceptions that have developed over many centuries. We studied the associative foundation of the national specific vocabulary of the native and Russian languages of the Khakass learners to identify ethnocultural differences of perception of ethno-cultural vocabulary. Such an experiment helps to indentify the originality of the bilingual students' associations, the extent of their introduction to both cultures, native and Russian, and contributes to the development of their associative foundation. Comparing the associative structures

of the equivalent words-stimuli, one can see the similarities and differences of associations that arise from the bilingual Khakass learners and to point out specific features of the structures of the associative fields of the Khakass and Russian learners.

KEY WORDS: association, bilingualism, ethnoculture, language personality, language map of the world

THE PECULIARITIES OF THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE LANGUAGE CONSCIENCE OF THE KHAKASS PEOPLE

KOLCHIKOVA Natalya P. – PhD in Philology, docent of the department of literature of the Khakass State University named after N.F. Katanov. pollik21@mail.ru

CHEBODAEVA Larisa I. – PhD in Philology, docent of the department of Philology of the Khakass State University named after N.F. Katanov. pollik21@mail.ru

Citation: Kolchikova N.P., Chebodaeva L.I. The Peculiarities of the origin and development of the language conscience of the Khakass people // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. 2017. № 4. P. 88–103. Access mode: www.tverlingua.ru

Исследование осуществлено при поддержке РФФИ № 17-16-19002 "Формирование билингвальной языковой личности в процессе литературного и языкового образования в региональных школах(на примере школ Республики Хакасия"

Проблема взаимосвязи языковой и национальной картин мира исследуется на разных уровнях Ю.Д.Апресьяном, Ю.С. Степановым, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Ю.Н. Карауловым, В.В. Карасиком, С.Г. Воркачевым и др. Ученые считают, что сознание человека всегда этнически обусловлено, что видение мира одним народом не всегда возможно «перекодировать» на язык культуры другого народа. Как считает Ю.Н.

Караулов, системообразующим для изучения национального языка является понятие «языковая личность». Ю.Н. Караулов выдвигает понятие «национальная языковая личность», считая, что специфические проявления национального проявляются на всех уровнях устройства языковой личности. Как утверждает исследователь, носителем национального начала в структуре языковой личности выступает инвариантная часть, которая является ядерной в общеязыковой картине мира и обусловлена национально-культурными традициями (Караулов, 2002: 38).

Проблема двуязычия является предметом исследований лингвистов, психологов, психолингвистов, социологов, методистов. Психологический аспект билингвизма исследовали Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Е.М. Верещагин, А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев и др. В психологическом аспекте двуязычие изучается в плане механизмов восприятия и производства речи. В трудах Л.В. Щербы двуязычие определяется как способность тех или иных групп населения объясняться на двух языках (Щерба, 1974: 2). Рассматривая двуязычие с позиций психолингвистики, И.А. Зимняя определяет его как способность человека понимать производить речь более чем на одном языке, обязательно реализуемую в процессе общения (Зимняя, 2001: 47). Е.М. Верещагин считает, что «билингвизм представляет собой механизм, позволяющий человеку воспроизводить и порождать речевые произведения, последовательно принадлежащие двум языковым системам» (Верещагин, 1969: 11). Все ученые согласны в том, что основным параметром определения типа билингвизма является соотношение двух речевых механизмов или соотношение уровней владения языковыми системами. Билингвизм характеризуется созданием двух соотнесенных лингвистических систем, когда на основу сформировавшегося родного языка надстраивается система второго языка.

Одним из направлений в исследовании языковой личности является изучение ассоциативных реакций на слова, создание ассоциативных

словарей, которые рассматриваются как модели речевых знаний носителей языков, представленных в виде ассоциативно-вербальной сети, служащей способом представления любого национального языка. Ассоциативный профиль лексических единиц в разных языках глубоко специфичен. Сопоставление ассоциативных норм разных языков позволяет вскрыть этнокультурную специфику лексических единиц. Одним из методов исследования национально культурной специфики языка является ассоциативный эксперимент. Чтобы определить ментальное различие той или иной лингвокультуры, чаще всего анализируют базовые национальные ключевые концепты, или константы культуры. Часть концептов, наиболее существенных, организующих концептуальное пространство, обозначают как константы, они представляют «некий постоянный принцип культуры» (Ю.С. Степанов). К таким константам Ю.С. Степанов относит ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО, ЖИЗНЬ, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, РАДОСТЬ, ИСТИНА. Эти константы присутствуют в каждой культуре, прослеживаются на протяжении веков и дожили до наших дней. В работе «Константы. Словарь русской культуры» Ю.С. Степанов (Степанов, 2004) выделяет базовые для русской культуры константы: ВЕЧНОСТЬ, МИР, ОГОНЬ, ВОДА, ХЛЕБ, СЛОВО, ВЕРА, ВОЛЯ, ПРАВДА и т.д.

Выявлению национальной специфики языковой картины мира способствует сопоставление этнокультурных констант на основе данных ассоциативного эксперимента. Поскольку билингвизм как сложный речезыковой процесс является следствием контактирования разных языковых картин мира, то при исследовании билингвизма важным является рассмотрение процесса интерференции. Интерференция происходит в процессе порождения иноязычной речи при сформировавшихся умениях и навыках на родном языке, которые переносятся с родного языка на второй. При соотнесенном двуязычии два различных ряда языковых средств ассоциируются с одним и тем же семантическим рядом: «Два каких-либо

языка образуют в уме одну лишь систему ассоциаций» (Верещагин, 1958: 48). В сознании билингва «с одним понятием могут одновременно ассоциироваться две лексемы - лексема родного языка и лексема языка изучаемого» (Верещагин, 1969: 39). Возможно несовпадение или частичное совпадение объема значений слов-эквивалентов в разных языках, а отсюда - возможные ошибки идентификации значений слов родного и изучаемого языков и другие явления межъязыковой интерференции в лексико-семантическом плане. Существование двусторонних понятий в сознании билингва предопределяет факты межъязыковой интерференции, и факты непроизвольного обращения к средствам родного языка при затруднении в понимании иноязычного текста. В связи с этим возникает "интерференция смыслов", так как в языковой картине мира билингва образуются связи между константами родной и иноязычной культуры. В нашем случае речь идет об исследовании особенностей национально-русского билингвизма (хакасско-русского), поскольку ассоциативный эксперимент проводился в национальной гимназии и среди студентов национального отделения Института филологии и межкультурной коммуникации ХГУ. Считается, что овладение вторым языком осуществляется на основе уже имеющейся ассоциативно-апперцепционной базы мышления. При овладении русским языком в сознании билингва актуализируются связи, типичные для второго (русского) языка, в то время как культурологические ассоциаты, как было выявлено в ходе эксперимента, могут быть специфически национальными.

В нашей республике хакасский язык является языком коренного народа – хакасов, получивших национальную самостоятельность после Октябрьской революции 1917 года. Это один из тюркских языков, принадлежащий к северо-восточной – уйгурской – группе тюркских языков, в составе которой он вместе с чулымско-тюркским, шорским, сарыг-уйгурским и северными диалектами алтайского языка образует хакасскую подгруппу близкородственных языков. Литературный язык хакасов базируется главным

образом на общенародном разговорном, вобравшем в себя особенности двух ведущих диалектов хакасского языка – сагайского и качинского.

Изучение языков народов Южной Сибири началось в XVII-XIX вв. сначала немецкими учеными: Д.Г. Мессершмидт М.А. Кастреном. Путевые заметки, сделанные М. Кастреном летом 1847 года (Кастрен, 1856), были переданы Финскому обществу изучения древней истории (Finnische Altertumsgesellschaft). Известны работы и других ученых (Sohott, 1865: 437; Huth, 1896).

Значительный вклад в изучение языков Саяно-Алтая внес профессор Гельсингфорского университета Иоган Рейнольд Аспелин, который три года подряд (1887-1889) изучал рунические надписи и другие древние памятники Хакасско-Минусинской котловин, чтобы решить загадку прародины финнов. Именно благодаря изданному И. Аспелином альбому «Надписи Енисея» (1889) в европейской науке появилось понятие «енисейская письменность».

Чтобы понять истоки языкового сознания современных хакасов, необходимо обратиться к историческому прошлому народа. Как известно, государство древних хакасов существовало на территории Хакасско-Минусинской котловины несколько веков. В VI-VII вв. и в начале VIII в. оно входило в состав Тюркского каганата, а во второй половине IX в. – в государство древних уйгуров, которое было сокрушено в 840 г. В XIII в. Кыргызское государство погибло во время монгольского нашествия. В состав этого государства, как считает Л.Р. Кызласов, входили не только тюркоязычные племена, но и самодийскоязычные, угро- и кетоязычные. Среди предков хакасов ученые называют енисейских кыргызов, динлинов, а также самодийцев. Динлинов ряд известнейших ученых считают угорцами, в их числе Л.Н. Гумилев, В.П. Алексеев и др. Угорские народы Сибири – ханты и манси, по-видимому, своими предками имели этносы, входившие в хуннскую державу, после распада которой в IV в. н.э. продолжали взаимодействовать с тюркоязычными народами – аборигенами юга Сибири

(Чебоксаров, 1952: 124-129). Так, современная группа хакасских племен хаастар (качинцы) сохранили свое древнее самодийское самоназвание и являются в основном, давно уже, начиная с VI-X вв., отюреченными аборигенными самодийскими племенами, смешавшимися с кыргызами и тюрками. Что касается сагайцев, шорцев, бельтыр и кызыльцев, то основные корни их происхождения уходят в древнюю угорскую общность, остатками которой они являются, будучи отюречены также в древности (VI-X вв.) благодаря взаимодействию с кыргызами и частично тюрками (особенно шорцы). Такое заключение подтверждается данными антропологии, археологии, лингвистики и этнографии. Профессор А.И. Ярхо, производивший в 1924-1927 гг. антропологическое изучение народов Саяно-Алтая, выяснил, что современные хакасы разделяются на два антропологических типа: южносибирский (качинцы) и урало-алтайский (шорцы, сагайцы, бельтыры и кызыльцы) (Ярхо, 1947: 8).

Как выяснилось, уральский тип идентичен типу обских угров, к нему относятся все северные алтайцы (шорцы, кумандинцы, челканцы и частично телеуты). Этот вывод принят и уточнен современными антропологами. В статье Н.Н. Чебоксарова выделяется «уральская» антропологическая группа, занимающая промежуточное место между монголоидами и европеоидами, представленная главным образом обскими уграми (ханты и манси). Наиболее важен его вывод: «Наличие в составе угро-финнов тех же уральских антропологических типов, что и в составе ненцев, селькупов, сибирских татар, шорцев, части алтайцев и хакасов, является отражением глубоких этногенетических связей между всеми этими народами» (Чебоксаров, 1952: 95).

Г.И. Спасский, первым из ученых собравший в 1806 г. словари койбальского и маторского языков, указывал, что койбалы в языке имеют сходство «с жителями отдаленной Сибири, каковы самоеды и остяки». Угорские элементы были и в составе аринов, так как Спасский, отметив

сходство их языка с кетоязычными группами, указал, что арины «по языку сходятся с остяками, живущими в нижних местах реки Оби», т.е. с хантами (Спасский, 1819: 5-6). Весьма важно также, что и другие тюркологи (Н.А. Баскаков) отмечают следы скрещивания как хакасского, так и североалтайского языков с остяцким, происходившее в древности.

Мнение этих ученых подтверждается прежде всего лингвистическим анализом топонимики нашего края. Как считает И.Л. Кызласов, анализ топонимики Хакасско-Минусинской котловины и прилегающих к ней районов свидетельствует о том, что наряду с тюркскими топонимами более позднего происхождения здесь в основном господствовали топонимы, разъясняющиеся из угорских и самодийских языков (Кызласов, 2016: 30). По-самодийски вода переводится «бю» (тазовские), «би» (энцы), «бу» (койбалы и маторы). Этот термин носят следующие названия рек: Холба, Тайба, Колба, Салба (приток Убея), Карасиба, Тебе, Сейба, Буйба, Ирба, Туба, Салба (приток Кебежа), Анбу, Ерба (Чорба) и т.д. Угорские топонимы охватывают южную и западную часть Хакасии и весь Северный Алтай от Горной Шории до Кемерово. Известно, что угорские термины «ас» или «е» означают река. По-хантски «ас» соответственно - большая река, так, Обь просто называется Ас или Е, так же называют некоторые группы манзей и реку Иртыш - Ас или же Катан-ес, т. е. татарская река. Енисей по-угорски - Кокынг-ес, река Таз - Тас-мес и т.д. На территории Саяно-Алтайского нагорья распространены очень древние названия рек, которые являются угорскими. В Хакасии это: Асхыс (Аскиз), Ес-сух или Ис-сух (образующаяся при слиянии рек М. Есь и Б. Есь), Тес-сух, Бес-сух, Магази-сух, Базы-сух, Избас, Албас, Сарае и т.д. На Северном Алтае: Мрас-су, Тельбес-су, Терес-су, Кырмес, Тесь, Бадавас, Каз, Тутуяс, Кельбес, Кибрас и др. Названия речек в форме Ес-сух, Бес-сух, Базы-сух (Хакасия) и Мрас-су, Терес-су, Тельбес-су (Северный Алтай) доказывают, что тюркский термин «сух» (хакасы) и «су» (шорцы) - вода, река присоединен к более древней угорской основе, в

которую входило угорское «ас» - «ее», само уже означающее реку, воду. Аналогичная топонимика есть как раз в Западной Сибири в местах, где жили раньше или же и сейчас живут ханты. Есть и еще одна группа угорских топонимов, распространенная на тех же территориях, с окончанием на «сос», «зос», «зас», «сас» от угорского «сос» (шош) - речка, ручей. Это небольшие речки - притоки: Сос, Онзос, Кызас, Канзас, Анзас, Кайзас, Хабзас (Хакасия). Из приведенного анализа топонимики представляется несомненным, что в дотюркскую эпоху угры населяли левобережье Хакасско-Минусинской котловины и Северный Алтай, а самодийцы - правобережье котловины и Восточные Саяны. Угорские и самодийские топонимы имеют то важное значение, что они доказывают распространенность здесь до 11-1 вв. до н.э. угорских и самодийских этнических групп, в которые в 11-1 вв. до н.э. впервые влились тюркоязычные кыргызы.

Современный хакасский язык с позиций структурной типологии является агглютинативным. Спутником агглютинации в тюркских языках, как известно, является сингармонизм. Этот признак, агглютинация, сближает хакасский язык с восточными финно-угорскими языками: коми и коми-пермяцким, удмуртским, хантыйским, мансийским. При этом различия заключаются в том, что в хантыйском языке, например, отсутствует явление сингармонизма. С агглютинацией связаны многие явления, так, например, устройство глагольной парадигмы в восточных финно-угорских языках (в сравнении с тюркскими) значительно проще. В хакасском языке, в структуре глагольной словоформы есть категории залога, вида, наклонения, времени, отрицания. Тогда как в хантыйском языке, глагольная словоформа более проста, чаще всего заключается суффиксом, выражающим значения категорий числа и лица.

Кроме того, о наличии в хакасском языке нетюркских языковых влияний указывают некоторые фонетические параллели, например, глухое начало слова. Приведенный признак А.П. Дульзон рассматривал как

результат ассимиляции тюрками предшествующего нетюркского субстрата, такую же особенность имеют угро-самодийские языки (мансийский, хантыйский, ненецкий и др. (Дульзон, 1971: 203). Таким образом, тюркские и финно-угорские языки характеризуются как агглютинативные, т.е. схожие типологически. Культурно-историческое взаимодействие языков шести семей (индоевропейской, финно-угорской, самодийской, тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской), очевидно, и привело к складыванию урало-алтайской языковой общности.

В ходе свободного ассоциативного эксперимента в группе хакасов-билинггов (600 человек) на примере русской и хакасской этнокультурной лексики (айран, степь, тайга, пого (нагрудное украшение), вселенная, конь, кедр, менгир, огонь, горы и т.д.) требовалось выяснить, в какой степени культурологические знания определяют языковые. Для исследования были отобраны 100 слов русской этнокультурной лексики и 100 слов наиболее значимых для хакасской культуры, литературы и фольклора, которые в наибольшей степени отражают специфику национального языка. Нами выбирались слова, взятые из прецедентных художественных текстов, которые являются средством выражения культуры этноса, поэтому для адекватного понимания этих произведений необходимо знание культуры, в пределах которой они были созданы. В прецедентном художественном тексте отражена национальная картина мира, духовная культура народа, носителя определенного языка и определенной культуры.

Коренное население Республики Хакасия уже с XIX века довольно активно контактировало с русскими переселенцами, поэтому влияние русской культуры и языка на хакасскую культуру и язык очевидно, но до настоящего времени у хакасов существует самобытная культура. Как уже было сказано, для экспериментального исследования нами были взяты слова-стимулы: айран, талған, степь, тайга, пого (нагрудное женское украшение),

вселенная, конь, кедр, огонь, гора, волк и т.д. Реалии, соотносящиеся со стимулами, являются ключевыми в традиционной культуре хакасов.

Анализ данных ассоциативного эксперимента позволяет нам выявить особенности структуры ассоциативного поля исследуемого слова. Так, например, в языковом сознании носителей хакасской культуры лексема *пого* «женское украшение» обозначает не только «женское украшение», но и является выразителем символа Хакасии, оберегом от нечистых сил, защитой: *пого* «нагрудное женское украшение» – (70) защита; (52) украшение; (33) национальное украшение; (29) украшение-оберег для женщины; (25) хакасское украшение; (22) красивое украшение; (13) оберег; (11) один из символов Хакасии; (7) традиция; (6) узор; (5) узорчатая; (5) бисер; (5) женское нагрудное украшение; (4) от злых духов; (3) хакасское. Анализ ассоциативных полей слов-стимулов, показал, что многие учащиеся для слов-стимулов на родном языке подбирают ассоциаты также на родном языке, например: *айран* «айран (*кислый молочный напиток*)» – (54) кислый; (32) молочный напиток; (8) сүт «молоко»; (3) інек «корова»; (3) аалчылар «гости»; (3) ачыҕ «кислый»; (1) национальный напиток.

Как показал эксперимент, у хакасских учащихся есть связь в представлениях о вселенной с традиционным мировоззрением. На стимул *тилекей* (*вселенная*) у хакасов выявляется ассоциат *чир* (*земля*). По хакасским мифам, кроме нашего мира, сотворенного семью чайанами-творцами, существует мир идеальный, истинный мир. Специфическое национальное представление хакасов о вселенной связано и с тем, что в хакасской мифологии срединный мир людей делится на три зоны: небо, землю, подземный. Каждое из пространств соединяется между собой мировым деревом, горой, коновязью, связь между этими мирами осуществляет шаман. Как показал эксперимент, у носителей русского языка на слово стимул *вселенная* преобладают ассоциаты, объединенные признаком "бесконечная":

бесконечная, бесконечность, необъятная, пустая, космос, планеты (30% реципиентов)

Слово-стимул *таг (гора)* у русских респондентов вызывает ассоциации «высокая», «крутая», «большая», а у хакасов: *ээзи (хозяин, дух), старик, всадник, белый, белый старик, легенда, без ресниц, помогает, живет в горе, дух тайги*. Связаны эти ассоциации с традиционным представлением о духах-хозяевах и о том, что каждый хакасский род имеет свою священную гору, с которой связано происхождение и благополучие рода.

У хакасов по сравнению с русскими респондентами специфичны и реакции на слово-стимул *от (огонь)*: одной из частотных ассоциаций является *от инее* (мать огня) или *от инезі* (дух огня), так как ритуальное поклонение огню сохранилось в шаманизме до сих пор.

Ментальные различия в восприятии хакасских и русских учащихся выявлены на слово-стимул *волк*: образ волка традиционно связан с представлением о тотемическом предке – тюрки произошли от белой волчицы, о чем говорят названия хакасских родов «читіпүүр» (семь волков), «хасхапүүр» (белые волки). Отсюда «несовпадение» ассоциатов: у русских (серый, злой - 50%), у хакасских респондентов (сильный, сила, свобода, собака – 30%). Ассоциат *собака*, без сомнения, восходит к тотемической легенде о ХубайХусе– белой собаке, первопредке, герое центрального хакасского мифа. Культуролог Котожеков А.И. (Котожеков, 2015: 59) считает, что само происхождение имени «Хубай Хус» возникло из сочетания междометия «хыы» (признак превосходства) и слова «авай» (племя собак, собаководов), которое позже вследствие гармонического стяжения, стало «Хубай». Археологические и этнографические материалы свидетельствуют о широко распространенном особом отношении сибирских этносов к собаке и волку. Рисунки собак и волков встречаются от Среднего Обь-Иртышья до Якутии. Как гласит легенда, записанная от тюрков в китайской династической хронике Чжоу-шу, волчица, выкормившая десятилетнего

принца, изуродованного врагами, родила ему десятерых сыновей. Один из сыновей волчицы по имени Ашина стал вождем нового рода, который впоследствии принял имя тюрк (тёрки чон - тронный народ). Каганы (правители) тюрков в эпоху средневековья (6 век) на навершии древка знамени помещали вырезанную голову волка. Очевидно, что многие сибирские племена на всей территории Сибири стали чтить волка или собаку своим первопредком (буряты, алтайцы, хакасы и т.д.).

Таким образом, данные проведенного эксперимента показывают, что многие константы этнокультурной лексики имеют устойчивые семантические и ассоциативные связи, которые составляют национально-культурную специфику образов мира хакасского языкового сознания, и во многом определяются традиционным мировоззрением.

Ссылки – References in Russian

Верещагин, 1958 – *Верещагин Е.М.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т.1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958.

Верещагин, 1969 – *Верещагин Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Издательство Московского университета, 1969.

Дульзон, 1971 – *Дульзон А.П.* Этнолингвистическая дифференциация тюрков Сибири // Структура и история тюркских языков. М., 1971. С. 39–67.

Зимняя, 2001: 47 – *Зимняя И.А.* Лингвопсихология речевой деятельности. Москва-Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001.

Караулов, 2002: 38 – *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2002.

Котожеков, 2015: 59 – *Котожеков А.И.* Ас Тоори Астара м удурісті // Историко-философское эссе. Абакан, 2015.

Кызласов, 1969 – *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. Москва, 1969. С.124–129.

Кызласов, Кызласов, 2016 – *Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.* Ключевые вопросы истории хакасов: Сб. статей. Абакан, 2016.

Спасский, 1819 – *Спасский Г.* Народы, кочующие в верху реки Енисея // *Сибирский вестник*. Ч.5. СПб., 1819.

Степанов, 2004 – *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004.

Чебоксаров, 1952 – *Чебоксаров Н.Н.* К вопросу о происхождении народов угро-финской языковой группы // *Советская этнография*, 1952. №3. – С. 95.

Щерба, 1974 – *Щерба Л.В.* Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М.: Учпедгиз, 1974.

Ярхо, 1947 – *Ярхо А.И.* Алтае-саянские тюрки. Абакан: Хакасское областное национальное издательство, 1947.

References

Vereshchagin, E. (1969) *Psychological and methodological characteristics of the bilingism*, M., Izdatelstvo Moskovskogo universiteta (in Russian).

Vereshchagin, E. (1958) *Selected works in linguistics and phonetics*, V. 1., L., Izd-vo LGU (in Russian).

Dulzon, A. Ethnolinguistic differentiation of the Siberian Turks // *The Structure and history of the Turkish languages*, M., pp. 39–67 (in Russian).

Zymnyaya, I.A. (2001) *Linguapsycology of speech activity*, M, Voronezg, NPO “MODJeK” (in Russian).

Karaulov, Y. (2002) *The Russian language and speech personality*, M, LKI (in Russian).

Kotozhekov, A. (2015) *As Toori. Astaram uduristi // Historico-philosophical essay*, Abakan (in Russian).

Kyzlasov, L. (1969) *The History of Tuva in the middle ages*, M., pp. 124–129 (in Russian).

Kyzlasov, L., Kyzlasov, I. (2016) *The Key questions of the history of the Khakass people: collection of articles*, Abakan (in Russian).

Spassky, G. *The peoples roaming in the riverhead of the Enissey // The Siberian bulliten*, Ch. 5, SPb (in Russian).

Castren, M. (1856) *Reiseberichte und Brife aus den Jahren 1845-1849-Herausgegeben von Anton Schiefner*, SPb.

Cheboksarov, N. (1952) *To the Questions of the origin of the peoples of the Finno-Ugric language group // Soviet ethnography*, № 3, pp. 95 (in Russian).

Shcherba, L. (1974) *Teaching of foreign languages in the secondary school. General questions of methodology*, M., Uchpedgiz (in Russian).

Yarho, A. (1947) *The Altai-Sayan Turks, Abakan, Hakasskoe oblastnoe nacionalnoe izdatelstvo* (in Russian).

Schiefner, A. (1869) *Heldensagen der minussinscyen Tataren / Rhythmisch bearb*, SPb.

Sohott, W. (1865) *Über die achten Kirgisen*, Berlin.

Huth, G. (1896) *Geschihte des budismus in der Mongolei. – Strassburg*.